

Приложение. Изменение структуры шансов доступа к высшему образованию: деформация или смещение?

Существуют вопросы, наподобие вопроса о «демократизации» набора лиц со средним образованием, очень глубоко интегрированные в идеологическую проблематику, которая предопределяет если не возможные ответы, то, по крайней мере, определенное восприятие этих ответов, так что их не решаются задавать уже потому, что это выглядит как вмешательство, пусть и с научными целями, в спор, где научный довод имеет так мало значения. Интересно заметить, что те, кто первым и кричали о «демократизации» безо всякого намека на какое-либо количественное доказательство или на основе поспешного сравнения процента представительства каждой социальной категории в составе получивших образование [1], сегодня спешат обличать как результат идеологического наваждения любую попытку научного измерения эволюции шансов на получение образования в зависимости от социального происхождения в разных типах и формах учебных заведений. Чтобы в полной мере ощутить парадоксальность ситуации, нужно знать, что измерение эволюции шансов на образование за достаточно длительный период стало возможным лишь после публикации BUS ряда статических выкладок по относительно релевантным категориям [2]. В противоположность простой манипуляции процентами наличия различных категорий студентов в общей совокупности учащихся (имплицитно или эксплицитно рассматриваемой как государство в государстве) конструирование объективной вероятности получения образования для разных социальных категорий обязывает нас соотносить долю прошедших отбор в каждой категории с численностью исходной категории. Таким образом, мы получаем действенное средство для эмпирической фиксации системы отношений, которые связывают в данный момент систему образования со структурой социальных классов, и одновременного измерения динамики изменений этой системы отношений [3].

Такого рода конструирование, во всяком случае, дает нам единственное средство избежать ошибок, проистекающих от выделения группы выдержавших отбор, существенные

социальные характеристики которой связаны не столько с социальным составом образуемой ими группы, сколько с их объективными отношениями с категорией, которую он и представляют по своей образовательной карьере. Эти отношения могут выражаться, например, через степень отбора, неодинаковую для разных социальных классов и половой принадлежности [4]. В целом лишь при условии систематического применения реляционного способа мышления можно избежать ошибки, состоящей в придании свойствам, связанным с определенной категорией, значения субстанциональных атрибутов, поскольку в стороне остается тот факт, что адекватное значение каждого из членов отношения (например, отношения между политической позицией и дисциплинарной принадлежностью) может быть окончательно установлено только внутри системы отношений, которую он и очерчивают и скрывают. Вспомним, например, о творчестве «социологов» на тему о роли социологов в движении Мая 1968 г.; или о наивности, вдохновленный относительно высокой долей сыновей рабочих среди студентов точных и естественных наук, если забыть соотнести ее с квазимонополией привилегированных классов на самые престижные высшие школы, т. е. если не поднять проблем у социального рекрутирования на уровень системы научных исследований. Бдительность, направленная против склонности рассматривать независимо элементы отношений, образующие систему, особо требуется в случае сравнения разных исторических периодов. Так, чтобы уловить социальное значение доли разных социальных категорий на разных факультетах или дисциплинах, нужно учитывать положение определенного факультета или дисциплины, занимаемое ими в данный момент в системе факультетов или дисциплин, дабы не впасть в иллюзию монографической истории. Последняя, имплицитно выводя из тождества слов сущностное тождество в разные периоды жизни институтов или соответствующих свойств, обрекает себя на сравнение несравнимого и пропускает сравнение элементов, которые — несравнимые, если их брать в-себе и для-себя, — образуют настоящие члены сравнения, поскольку занимают гомологичные позиции в двух последовательных состояниях системы институтов образования [5].

Всем, кто из увеличения общей численности населения, получившего доступ к высшему образованию, делает вывод о «демократизации» студенческой аудитории на факультетах, имеет смысл напомнить, что этот морфологический феномен может скрывать увековечивание статус-кво и даже в отдельных случаях сокращение представительности обездоленных классов [6], а не только расширение социальной базы рекрутирования. Увеличение доли получивших образование в определенной возрастной группе в действительности может происходить почти исключительно за счет уже наиболее образованных категорий населения или, как минимум, пропорционально сложившемуся ранее неравному распределению шансов на получение образования. В более общем виде рост численности отражает итог деятельности факторов разного порядка: если во Франции рост числа студентов связан одновременно (по крайней мере, начиная с 1964 г.) с ростом когорт (вследствие всплеска рождаемости после 1946 г.) и повышением доли получивших среднее образование в возрастной группе старше 18 лет, то распределение этой общей доли и между получившим и образование представителями разных социально-профессиональных категорий оказывается изменившимся намного меньше, чем можно было ожидать, исходя из постоянного увеличения общей доли поступивших в высшие учебные заведения.

Точнее, чтобы получить приблизительную количественную оценку структуры социально обусловленных шансов доступа к образованию и особенно чтобы проанализировать временную динамику этой структуры, — нужно соотнести численность социально определенной категории студентов с численностью той же возрастной группы молодых людей с такими же социальными и характеристиками. В самом деле, увеличение доли студентов, выходцев из определенной социальной категории, может происходить не из-за увеличения шансов доступа подростков из этой социальной категории к высшему образованию, а из простого количественного изменения доли данной категории среди активного населения. Поэтому расчет вероятности доступа к высшему образованию по исходной социально-профессиональной категории, полу и другим критериям дает наиболее точную оценку порядка величины социально обусловленного неравенства шансов на получение образования и их диапазона.

Данные, приведенные в таблице шансов доступа к высшему образованию, показывают значительный разброс между разным и социальным и категориям и в 1961/62 учебном году. Так, сын сельскохозяйственного рабочего имел 1,2% шансов поступить в вуз, а сын промышленника — более 1 шанса из 2. Такой диапазон неравенства показывает, что в то время система образования стремилась элементарно закрыть детям из простых семей доступ к высшему уровню образовательной карьеры.

Таблица 8

Динамика шансов на получение образования в зависимости от социального происхождения и половой принадлежности между 1961/62 и 1965/66 учебным годом, в процентах

Социально-профессиональная категория отца	Пол	Объективные шансы (вероятность доступа)		Условная вероятность по предметам									
				Естественные науки		Гуманитарные науки		Право		Медицина		Фармакология	
		Годы											
		1961/62	1965/66	1961/62	1965/66	1961/62	1965/66	1961/62	1965/66	1961/62	1965/66	1961/62	1965/66
Наемные работники в сельском хозяйстве	М	1,2	3	44	53,3	36,9	26,4	15,5	16,3	3,6	3,3	0	0,5
	Ж	1	2,3	26,6	32,9	65,6	54,1	7,8	8,4	0	3,2	0	1,3
	Вместе	1,1	2,7	34,7	45	50	38	12,5	12,9	2,8	3,3	0	0,8
Сельхозпроизводители	М	3,8	8,5	44,6	45	27,2	24,4	18,8	20,3	7,4	7,9	2	2,2
	Ж	3	6,7	27,5	31,8	51,8	48,5	12,9	10,9	2,9	3,9	4,9	4,6
	Вместе	3,4	8	37	39,2	38,1	35	16,2	16,1	5,6	6,2	3,1	3,3
Рабочие	М	1,5	3,9	52,5	50	27,5	24,8	14,4	17,8	5	6,6	0,6	0,6
	Ж	1,2	2,9	20,3	31	58	54,4	10,4	10,2	2,6	2,7	1,7	1,4
	Вместе	1,3	3,4	42,8	42,1	39,9	37,2	12,3	14,7	3,6	5	1,4	1

Служащие	М	10	17,9	46	37,7	17,6	21,6	24,6	26,7	10,1	11,8	1,6	1,7
	Ж	7,8	14,3	30,4	22,3	44	53,4	16	14,3	6,1	5,7	3,5	4
	Вместе	9	16,2	39,4	31,1	28,6	36,5	21,1	21,6	8,6	9,2	2,8	2,7
Хозяева предприятий в промышленности и торговле	М	14,6	25	40,3	37,2	24,9	17,1	20,5	26,6	11	15,4	3,3	3,3
	Ж	13,3	21,2	21,8	22,4	55,7	47,4	11,7	15,7	4,8	7,6	6	6,7
	Вместе	13,9	23,2	81,8	39,5	39,1	89,6	16,4	21,6	8,1	12	4,6	4,8
Из них: промышленники	М	52,8	74	28,5	34,3	25,2	11,6	22	32,3	20	17,8	3,9	4
	Ж	56,9	68,6	13,2	18,4	57,8	42,5	11,2	19,8	10,8	9,8	6,3	9,2
	Вместе	54,4	71,5	21,1	26,6	41,1	26,0	17	26,5	15,5	14	5,8	6,4
Средние управленческие кадры	М	24,7	38,2	38,3	41,2	30,2	21,0	21	23,2	8,5	12,6	2	1,8
	Ж	25,4	31,4	22,2	25,5	61,9	52,6	9,1	11,3	3,4	6,4	3,4	3,9
	Вместе	24,9	35,4	84,3	45,6	35	15,2	15,2	18	6	9,9	2,7	2,8
Свободные профессии, вышние управленческие кадры	М	38,7	61	40	35,7	10,3	13,7	21,3	26,8	14,7	20,1	4,2	3,5
	Ж	36,9	51,2	25,7	22,8	48,6	43,5	11,6	15	6,5	11,1	7,6	7,4
	Вместе	38	58,7	33,3	30	33,2	27	16,9	21,5	10,8	16,2	5,8	5,2

В период с 1962 по 1966 г. шансы доступа к высшему образованию увеличились для всех социальных категорий. Но если понимать под «демократизацией» то, на что это слово всегда имплицитно указывает, а именно процесс уравнивания шансов для детей с разным социальным происхождением (полное равенство шансов предполагает, что все категории имеют равный процент шансов в общей доле получающих образование в данной возрастной группе), то эмпирически фиксируемый рост шансов для всех категорий сам по себе не означает «демократизацию». В то же время социологическая строгость требует, чтобы анализ динамики структуры шансов учитывал социальную значимость эволюции этой структуры, рассматриваемой именно в таком ее качестве. Если рассматривать крайние категории, то можно констатировать, что шансы доступа к высшему образованию для сыновей рабочих и сельскохозяйственных наемных работников более чем удвоились за данный период, тогда как для сыновей высших управляющих кадров он и увеличились лишь в 1,6 раза. Однако очевидно, что удвоение очень слабой доли вероятности имеет далеко не те же значение и социальные последствия, чем в 30 раз большая вероятность. Чтобы правильно оценить социальные последствия этих количественных изменений, которые, как показывает график, сводятся к сдвигу вверх структуры образовательных шансов для разных социальных классов (см. график 2), необходимо со всей строгостью определить пороги, которые в разных зонах и в шкале шансов способны вызвать значимые трансформации и системы ожиданий агентов. Действительно, известно, что разные объективные шансы соответствуют разным системам ожиданий в отношении образования. Даже если шансы на получение образования не являются предметом сознательной оценки, то они могут восприниматься интуитивно для группы по принадлежности (группе близких или равных), например, в конкретных формах числа знакомых, продолжающих учебу или уже поступивших на работу в данном возрасте, что участвует в определении социального образа высшего образования, который как бы объективно вписан в определенный тип социального положения. В зависимости от того, воспринимается ли коллективно, даже

смутным образом, доступ к высшему образованию как невозможное, возможное, вероятное, нормальное или обычное будущее, изменяется все поведение семей и детей (особенно их поведение и успеваемость в школе), поскольку оно стремится подладиться под то, на что «разумно» позволено надеяться. Поскольку количественно различающимся по коллективным шансам уровням соответствуют качественно разнящиеся жизненные опыты, постольку объективные шансы определенной социальной категории — посредством процесса интериоризации объективной участи своей категории — составляют один из механизмов осуществления этой объективной участи.

Так, вероятность получения высшего образования для сыновей промышленников выросла за этот период с 52,8 до 74%, т. е. только в 1,4 раза, однако, достигнув такой величины (74%), она находится теперь на таком уровне на шкале шансов, которому соответствует опыт практически полной уверенности в получении образования, а вместе с ней новые преимущества и новые противоречия, связанные с этим опытом. Если принять во внимание, с одной стороны, что значительное число детей промышленников получают образование в подготовительных классах для поступления в *grandes écoles* и в самих этих школах (т. е. не вошли в выборку, которая служила базой нашего статистического расчета) и, с другой стороны, что существует платное обучение, также не вошедшее в статистическую базу, которым пользуются в первую очередь именно представители данной социальной категории (псевдовузы коммерции, рекламы, журналистики, кино, фотографии и т. п.), — то мы должны предположить, что практически вся совокупность сыновей промышленников, способных посещать учебные заведения, действительно продолжает свое образование долгое время после достижения ими 18 лет. Так что теперь заметны первые признаки избытка образования в данной группе.

В конечном итоге через общее увеличение вероятности доступа к образованию изменение структуры шансов между 1962 и 1966 г. утвердило культурные привилегии высших классов. Так, для трех рассмотренных нами категорий: сыновья и дочери промышленников и сыновья высших управляющих кадров — вероятность поступления в высшую школу достигает или преодолевает порог в 60%, не учитывая учащихся в *grandes écoles*. Для сына работника высших управленческих кадров продолжение обучения после получения степени бакалавра в 1961/62 учебном году было вероятным будущим, а с 1965/66 года стало обычным будущим. Наоборот, рост вероятности доступа для детей, происходящих из народных классов, не настолько велик, чтобы он и решающим образом удалились из зоны объективных шансов, где формируется их опыт покорности судьбе или, как исключение, опыт чудотворного спасения с помощью Школы. Сын рабочего имел в 1965/66 учебном году 3,9% шансов (вместо 1,5% в 1961/62 учебном году) получить высшее образование: этого недостаточно для изменения имеющегося у него образа высшего образования как невероятного будущего, чтобы не сказать «неразумного» или, если угодно, «неожиданного».

В отношении средних классов некоторые группы (в частности, учителя и мелкие чиновники), вероятно, подошли к порогу, с которого высшее образование начинает выглядеть нормальной возможностью, когда проявляется тенденция к ослаблению представления, что получение степени бакалавра означает практически обязательный конец курса обучения. Другими словами, уже распространенное, начиная с давнего времени, мнение высших классов, что диплом бакалавра есть простой пропуск к высшему образованию (о чем в

негативном виде нам говорит формула «"бак" — это ничто»), стремится распространиться дальше на уровень средних классов. Представление, которое до сих пор питало множество учащихся, прекращающих учебу после получения степени бакалавра, очень частое у сыновей средних управляющих кадров и у служащих, чьи стремления вследствие эффекта гистерезиса не идут дальше желания преодолеть барьер, на котором остановились их отцы в своей карьере («без «бака» — ничего не бывает»), уступает место противоположному представлению («с «баком» мы больше ничего не получим»), основанному, кстати, на реальном или реалистическом опыте, поскольку во многих случаях степень бакалавра стала условием доступа к должностям, которые предыдущее поколение могло получить, пройдя через «маленькую дверь», т. е. часто с одним лишь начальным образованием. Степень бакалавра теперь недостаточна для обеспечения автоматического продвижения к высшим кадровым должностям. На этом примере можно видеть, как то, что в сущности является лишь смещением ожиданий, может переживаться субъектами как природное изменение, или, как говорят наблюдатели, не страдающие словобоязнью, — «мутация».

Однако неравенство шансов на поступление в университет лишь отчасти выражает социально обусловленное неравенство в получении образования. Таблица условных шансов показывает, что студенты и студентки с разным происхождением не распределяются равномерно по всем типам обучения. Если бы социальное происхождение или пол играл и роль дифференцирующего сита только в отношении доступа к высшему образованию; если бы, единожды поступив на факультет, неравным образом отобранные контингенты имели равные шансы направиться на разные специализации — короче, если бы распределение студентов по разным факультетам зависело лишь от «призвания» и индивидуальных «вкусов» (рассматриваемых как естественные склонности, неподвластные социальному детерминизму), то мы должны были бы на 100 студентов данного социального происхождения иметь распределение условных шансов, которое в каждой социальной категории просто отражало бы долю разных дисциплин в общей совокупности студентов. Так, в 1961/62 учебном году для гуманитарных наук они составляли бы 31,5%, для естественных наук — 32,4%, для права — 16,5%, для медицины — 15,6%, для фармацевтики — 4% , а в 1965/66 учебном году соответственно 34,4%, 31,4%, 19,9%, 10,7% и 3,5%. Однако эмпирически фиксируемое распределение представляет в сравнении со случайным распределением, вытекающим из «свободной игры природных способностей», систематическое отклонение, выражающееся в том, что, *grosso modo*, студенты, выходцы из обездоленных классов, направляются чаще на гуманитарные или естественно-научные факультеты, а студенты, выходцы из обеспеченных классов, — на юридические и медицинские факультеты. В самом деле, мы должны отметить, что между 1961/62 и 1965/66 учебным годом такая социальная специализация факультетов усилилась.

В 1961/62 учебном году студенты из народа ориентировались главным образом на гуманитарные или естественные науки, тогда как большая часть студентов из высших классов шла на изучение права или медицины: 84,7% детей наемных работников в сельском хозяйстве поступило на факультеты гуманитарных и естественных наук, так же как и 75,1% детей сельскохозяйственных производителей и 82,7% детей рабочих; напротив, это коснулось лишь 66,5% детей высших управляющих кадров и 62,2% детей промышленников (о которых известно, что он и очень широк о представлены сред и студентов естественно-научных *grandes écoles*). Итак, чем ниже мы спускаемся по социальной иерархии, тем более

доступ к высшему образованию оплачивается ограничениями выбора, доходящим и у самых бедных ресурсами групп до почти обязательной релегации на изучение гуманитарных и естественных дисциплин. Динамика распределения условной вероятности в 1962—1966 гг. показывает, что распределение осталось почти неизменным, а разные социальные категории ранжируются таким же образом в отношении «выбора» гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Если увеличение доли студентов-юристов в общей численности студентов сказалось на всех социально-профессиональных категориях в форме сокращения условной вероятности поступления на гуманитарные и естественно-научные факультеты, то эта тенденция особенно заметна в случае высших социальных категорий. Так, если дети наемных работников сельского хозяйства в 1966 г. имели 83% шансов поступить на гуманитарные или естественно-научные факультеты, то дети сельхозпроизводителей — 74,2 % (или на 0,9% меньше, чем в 1962 г.); дети рабочих — 79,3 % (или на 3,4 % меньше); шансы детей кадров высшего уровня сократились до 57% (или на 9,5%), а шансы детей промышленников — до 52,6% (или на 9,6%). Расхождение между детьми рабочих и детьми высших кадров увеличилось за этот период с 15 до 22%. Если мы более детально рассмотрим изменение условной вероятности для юношей, то сможем констатировать для всех социальных категорий (за исключением сыновей служащих) сокращение вероятности поступления на гуманитарные факультеты, однако это сокращение намного более ощутимо для высших классов, нежели для средних или низших: так, шансы детей рабочих уменьшаются с 27,5 до 24,8%, в то время как шансы сыновей высших управляющих кадров падают с 19,3 до 13,7%, а для сыновей промышленников — с 25,2 до 11,6%. Зная, что доступ к среднему образованию достается новым фракциям народных классов лишь ценой отправки в учебные заведения или отделения (реального образования, например), объективно помещающиеся в самом низу образовательной иерархии, отправки, вовлекающей детей, вышедших из этих классов, в цепь событий, почти неизбежно приводящих их на факультеты естественных наук по противоположности не только другим факультетам, но и другим естественно-научным высшим школам (*grandes écoles*)¹, можно понять, что для студентов, выходцев из народных классов, как мы уже констатировали, растет условная вероятность начать изучать естественные науки, а для студентов, выходцев из высших классов, — изучать право или медицину. Статистика показывает, что для сыновей наемных работников в сельском хозяйстве шансы изучать гуманитарные науки сокращаются за рассматриваемый период на 10,5%, а шансы изучать естественные науки увеличиваются на 9%; и наоборот, вероятность того, что сыновья представителей высших классов будут изучать гуманитарные науки, сокращается одновременно с вероятностью изучения естественных наук (или соответственно на 5,6 % и 4,3%), тогда как вероятность того, что они поступят на юридический или медицинский факультет, возрастает соответственно на 5% и 5,4%. В целом для студентов, происходящих из низших и средних классов (наемные работники в сельском хозяйстве, рабочие, служащие, средние управленческие кадры), условная вероятность обучаться на юридическом факультете остается почти неизменной, возрастая на 2,8% лишь в случае средних управленческих кадров, в то время как эта вероятность для детей высших управленческих кадров (+ 4,6%) и особенно промышленников (+ 9,5%) заметно возрастает. То же самое происходит и в отношении изучения медицины: вероятность начать изучать ее является постоянной или слегка возрастает для детей из народных классов, в то время как она увеличивается для детей из высших классов на 5,6%. В итоге можно считать, что небольшой рост вероятности для детей из народных классов обучаться в университете был в некотором

роде компенсирован усилением действия механизмов, стремящихся отправить прошедших отбор кандидатов из этих классов на определенные факультеты (и это несмотря на реформы, направленные на «рационализацию» организации обучения, проведенные в рассматриваемый период на факультетах права и медицины).

Достаточно применить принцип интерпретации статистики, включающий и применяющий расчет условной вероятности по факультетам к другим внутренним делениям системы образования (например, деление на дисциплины внутри одного факультета, как на графиках 2 и 3 в главе 1, и в особенности деления, противопоставляющие *grandes écoles*, строго иерархизированные между собой, всем факультетам университетов), чтобы получить средство для понимания того, что в статистических данных, измеряющих динамик у структуры шансов доступа к определенному уровню или типу обучения, отражается, возможно, фундаментальный закон трансформации отношений между системой образования и структурой социальных классов. А именно: взяв за единицу студента и абстрагируясь от положения, которое учебное заведение или специализация занимают в явной или скрытой иерархии института образования, упускают из виду удвоение привилегии, связанной с тем фактом, что представители социальных категорий, имеющие наибольшую вероятность доступа к данному уровню образования, обладают также самыми большими шансами поступить в учебные заведения, на отделение или дисциплину, которые наделяются самыми высокими шансами на дальнейший успех, как учебный, так и социальный. Более того, упускается из виду, что изменение структуры шансов доступа к образованию, которая может использовать уже существующие дифференциации или создавать новые, с необходимостью сопровождается постоянным переопределением критериев образовательной и социальной ценности (редкости) университетских званий [7]. В результате этого систематического перекоса проявляется тенденция недооценки способности системы образования нейтрализовать — при помощи увеличения дифференциации, маскирующей ее иерархическую структуру, — последствия смещения структуры шансов доступа к образованию или, если угодно, заместить оппозиции в терминах «все» или «ничего», доступа или исключения, характерные для иного состояния системы, на научные и умело замаскированные градации, которые идут от полного признания «прав буржуазии» в университетах до различных степеней оттеснения народных классов на второй план [8].

Версия #6

Зверобой создал 23 августа 2025 22:40:35

Зверобой обновил 5 января 2026 17:40:23